

Д. РАХМАН Спиноза и иудаизм

Приступая к исследованию идеологического происхождения учения Спинозы, мы подразумеваем под этим не указания тех авторов, от которых Спиноза заимствовал свое учение, не отыскание тех лоскутов, из которых данная система составлена. Такой подход неправилен по отношению к такому оригинальному мыслителю, как Спиноза.

Здесь может идти речь лишь об указании на тот первичный материал, который служил для данного философа, как бы основной пищей, предметом обработки и переработки. Для этой цели могли быть применены самые разнообразные инструменты, результаты этого процесса могут оказаться совсем не схожими с его исходной точкой, но забыть об их связи нельзя.

С такой точки зрения указать на связь Спинозы с иудаизмом совсем не трудно. Ведь сами факты говорят за это.

Быть первым учеником в самой образцовой школе, в самой образованной общине тогдашнего еврейства, быть в такой традиционной среде до 22-летнего возраста, — это одно уже достаточно, чтобы тысячами нитей быть связанным с еврейством, несмотря на имеющееся налицо влияние чужого мира, посторонних учений и даже на личное желание окончательно освободиться от всяких влияний.

Вот почему странным покажется, когда некоторые исследователи ретиво доказывают, что этот изгнанник еврейства, Спиноза, ничего общего с еврейством не имеет, что он скорее всего христианин, что он окончательно вычеркнул из своей жизни первые годы своего еврейского образования, что Спиноза исключительно черпал из чужих, новых источников и т. п.

Не вдаваясь в подробности, где именно лежат эти «новые источники», и не намереваясь категорически отрицать возможности таковых, я хочу здесь только показать, что в самом иудаизме было достаточно потоков самых разнообразных волн и большое богатство, так сказать, философских мотивов, чтобы в крайнем случае это одно могло питать тот могучий интеллект, которым обладал Спиноза, и служить ему той твердой неподвижной точкой, исходя из которой можно было делать целый переворот.

При этом, мы не должны забыть, что Спиноза с самых юных лет занимался очень основательно естественными науками и математикой, что наверное предохранило его как от софистики Талмуда, так и бредней Каббалы. Но с другой стороны и Талмуд, и Каббала, и вся последующая религиозно-философская еврейская мысль тайком сделали свое дело и не только служили исходной точкой, началом философствования Спинозы, но и оставили свои следы в его системе.

Желая быть кратким, я не приведу здесь ни одной цитаты из сочинений Спинозы, а ограничусь лишь приведением целого ряда мест и еврейских источников, которые так или иначе напоминают нам учение Спинозы. Для нашего семинария, изучающего Спинозу, его система достаточно известна, почему и считаю лишним всякое приведение его цитат.

Но раньше всего несколько слов о знаменитом отлучении Спинозы. Мне кажется, что у некоторых товарищей отсутствует адекватное понятие значения этой анафемы. Я должен сказать, что факт отлучения совсем не такое редкое явление у евреев и не так страшно, как это рисуют, некоторые исследователи, когда говорят об отлучении Спинозы.

Согласно Талмуду, отлучением наказывают за следующие проступки: критика действий учителя (даже после его смерти), клеймение товарищей обидным прозвищем, нарушение правил общественной морали, содержание в доме злой собаки, произнесение имени господа всуе и т. д.

В позднейшее время отлучение служило, главным образом, средством поддержать дисциплину и нравственность среди евреев.

Так в XI веке было запрещено под страхом анафемы: 1) многоженство, 2) насильный развод, 3) чтение чужих писем.

Интересно то, что для всех проступков и для всех предосторожностей текст анафемы был почти одинаков. Здесь мы встречаем такие выражения: «пусть поразят его язвы великие, неисцелимые, болезни многочисленные и необычные»... «Пусть земля поглотит его, как Короха, а гром небесный да поразит его смертью».

Но вся эта процедура означала не отлучение от еврейства, а только отлучение из данной общины.

И если Спиноза ушел от еврейства, то это не благодаря анафеме, а потому, что ему там уже нечего было делать. Скорей всего, наоборот. Община его исключила потому, что Спиноза слишком далеко ушел от нее. Так бывает и в настоящее время, когда политическая партия, спешит исключением своего члена, раз только она узнает, что данный член хочет выйти из партии.

Но все это сказано между прочим. Перейдем к делу.

Не желая предугадать мнение нашего семинария в целом, я, однако, думаю, что мы все придем к тому заключению, что основной характерной чертой философии Спинозы является монизм или, выражаясь его же словами: «познание единства, которое дух имеет с природой в ее целом».

Но этот мотив единства, правда, не в таком широком смысле слова, и является основным принципом иудаизма.

Ежедневно религиозный еврей говорит: «верую, что господь един, бесподобен. Он один был, есть и будет».

Не менее известен самый святой пароль евреев, с произнесением которого многие из них мученически умирали на кострах. Он гласит: «слушай Израиль, наш бог один есть».

Молитва «», которой заканчивается всякое богослужение, говорит о пришествии того великого дня, когда все народы поймут, что имеется только царство единого бога на земле.

Другим основным мотивом иудаизма является борьба со всяким видом антропоморфизма. Здесь опять-таки видим, как еврей ежедневно повторяет: «верую, что бог не является телом и нам никак нельзя наглядно его представить себе».

Против антропоморфизма, который еще имеет место в Пятикнижии, начинается борьба еще со времен пророков.

Талмудисты и этим не удовлетворились. Там мы читаем: «Пророки проявляют большую смелость, сравнивая творца с его творением».

Еврейская философская мысль пошла еще дальше. Раньше всего остановимся на Ибн Гебироль (1021—1070) «» (у христианских схоластиков он известен под именем Авицебронна).

У него мы находим такие мысли: «Первая действующая причина безусловно едина без всякой множественности...»

Эпитеты всемогущий, всемудрый божеству не приложимы, ибо всякое определение и перечисление умаляет лишь его достоинство. (Этот мотив встречаем еще в Талмуде.) Дальше. О боге мы можем иметь представление, лишь на основании наблюдений и выводов из его воздействия на все существующее. Божество есть первая субстанция... Одна и та же материя составляет основу всего существующего в мире, проходящая через все ряды существующего, как бы по ступеням лестницы, с высоты чистого интеллекта к глубине всего материалистического... Творение необходимо содержится в природе бога, почему творение также вечно и бесконечно, как бог.

Здесь, кажется, впервые пантеизм находит себе место в еврейской философии. Желая выразить образно мысль, что создатель и создание одно и то же, Ибн Гебироль говорит:

«Первичное вещество все черпает из источника света без ведра и все творит без инструмента».

Не менее интересно является то обстоятельство, что он, Гебироль, впервые написал популярное руководство по этике, где этические проблемы трактуются вне всякой связи с религиозными и догматическими положениями, без цитат из Библии и Талмуда. Больше того. Он устанавливает здесь теснейшую связь между этическими положениями и физико-психологическими данными человеческой природы.

В XII веке Мы встречаемся с другим крупным еврейским мыслителем с Маймонидом (1135—1204).

Здесь мы можем найти следующие положения:

- 1) О боге можно только сказать, что он есть, но не каков он есть.
- 2) «Сомневаться в наличии бога — сомневаться, в наличии всего существующего».
- 3) «Бог един, но не как обычная единица, состоящая из дробей, не как единичный предмет, состоящий из измерений. Бог такого рода единства, какого мы реально не встречаем».
- 4) Знание бога не имеет аналогии с знанием человека, ибо «он одновременно вещь познающая, вещь познаваемая и само познание».
- 5) Только в одном боге нет различия между сущностью и существованием, ибо «его бытие составляет его сущность, а сущность его бытие».
- 6) Бог не может иметь новых представлений, ибо в нем все заключается.
- 7) Бог не определяется временем, точно так, как «голос не определяется ни как соленый, ни как пресный».
- 8) Про Бога нельзя говорить, что он обладает волей, ибо «состояния воли и мощи приложимы к созданиям Бога, а не к нему самому».
- 9) Все, что существует кроме Бога, обладает лишь возможным существованием. Один лишь Бог обладает необходимым существованием.
- 10) Задача человека - постичь истинное познание, которое равносильно любви к Богу.

11) Человек может одолеть зло, стараясь познанием и усвоением нравственных правил победить свои страсти.

12) о всем нами должен руководить разум, а не вера. Вот почему и Маймонид утверждает: «Философы, которые занимаются физикой и метафизикой, стоят на гораздо высшей ступени, чем люди, изучающие одну Тору».

Раньше, чем перейти к рассмотрению взглядов других еврейских мыслителей, я остановлюсь несколько на одном арабском философе XII века, Аверроэсе (1126-1198), который имел большое влияние на дальнейший ход развития философской мысли среди евреев. Многие из его сочинений были переведены на древнееврейский язык. Много у него позаимствовал еврейский мыслитель Герсонид, который, по мнению многих исследователей, служил источником для Спинозы.

Очень интересным является утверждение Аверроэса, что религия дана для нерассуждающей человеческой массы, неспособной к философскому мышлению, и цель религии – не прояснять сознание людей, а только поднимать их нравственный уровень.

Не менее смелым является его отрицание «святая святых» того периода - бессмертия души. Он находит, что наша душа продолжает существовать после смерти не как особая субстанция, а лишь как момент во всемирном разуме, воплощенном во всем человеческом роде. Он настаивает на вечности материи, на вечности мира.

Как видно, отсюда уже недалеко до детерминизма Спинозы. В самом деле. Раз существует лишь одна мировая душа, а человеческая душа есть лишь часть этого мирового целого, то о свободе воли уже речи быть не может.

Как уже было сказано, из еврейских мыслителей более ярким последователем Аверроэса является Герсонид (1288-1344).

У него мы замечаем целый ряд ересей. Раньше всего он отрицает акт творения, который является альфой и омегой традиционного иудаизма. Дальше он утверждает, что «Тора не может запретить нам считать верным то, признание чего требуется нашим разумом». Сверхъестественного не существует. Чудо является естественным действием первоначального закона.

Как видите, не даром современники Герсониды перефразировали название его книги, которая называлась «Войны бога» в «Войны с богом».

Стоит также напомнить утверждение Герсониды, что акт мышления не может быть отделен от объекта мышления.

Не менее интересны для нас его следующие слова: «Никто не заботится о том, чтобы углы треугольника равнялись двум прямым, поэтому никто не может связывать цели с таким явлением».

Теперь мы перейдем к Хасдаю Крескасу (1340-1410).

Самым важным для нас являются следующие его утверждения:

1) Философия и теология – это отдельные области и постигаются различными видами познания, и 2) что все бытие, все космическое в природе и этическое в человеке есть явление не свободное, а необходимое следствие.

Вот его слова: «Неизбежно существующим, причиной самого себя является лишь бог. Все остальное происходит от него».

Интересно отметить, что Крескас очень часто оперирует категориями: «необходимость», «случайность», «возможность», что, как известно, имеет также место в системе Спинозы. (Вообще главы XIII, XIV и XV Теолого-политического трактата удивительно напоминают некоторые главы из сочинения Крескаса.)

Я считаю не лишним обратить внимание на следующее место у Крескаса. Он говорит: «как пространство входит в промежутки тела, так

бог наполняет все части вселенной, он есть ее место «Сиро», которое носит и

содержит вселенную.

Я позволю себе остановиться очень коротко на терминологии того периода, которая сама по себе весьма характерна.

Так, во всей средневековой еврейской философии бог характеризуется как необходимо сущее, в отличие от всего остального — возможно сущего. Дальше. Та часть философии, которая у нас именуется онтологией, у них, начиная со времен Талмуда и кончая последними еврейскими схоластиками, называлась «дело колесницы».

Ибо человек может говорить и иметь понятие только о «*natura naturata*», о колеснице. О кучере же «*natura naturans*» мы адекватного понятия иметь не можем. (Употребляю здесь термины «*natura naturans*» и «*natura naturata*» в понимании схоластиков.)

Насколько высоко ценили эту область философии, видно из следующего выражения, которое мы находим в Талмуде: «гораздо важнее зажиматься «делом колесницы», чем вопросами ритуального характера». Но при этом указывается, что об этом деле публично нельзя дискутировать, ибо оно может внести лишь путаницу и принести больше вреда, чем пользы.

Теперь перейдем к краткому рассмотрению другой ветви еврейской мысли, к еврейской мистике, к Каббале. Последняя берет свое начало в XIII веке.

Краеугольным камнем является здесь бесконечный. Любимыми изречениями здесь являются: «все в боге, во всем бог». Все едино есть, как «горящий уголь и его пламя». «Нет места свободного от бога».

Позитивного определения бог не имеет, так как это ограничивало бы его. Богу не могут быть приписаны ни воля, ни намерения, ни мысль, ни слово, ни действия. К нему не применимы перемена или изменения, ибо в нем нет никаких границ. Никакое явление не может быть понятно без бога.

Связь между бесконечным и конечным миром происходит через Сефирот, своего рода «силы». Хотя бог имманентен в Сефирот, но они вместе взятые отнюдь не сумма его. Таких Сефирот, или, по терминологии Спинозы, атрибутов, Каббала насчитывает 10.

Считая невозможным подробно остановиться на учении Каббалы, я ограничусь приведением одной характерной цитаты из известной каббалистической книги «З о г а р».

«Горе тому, кто сравнивает бога с атрибутами его, тем более с людьми, из земли исходящими и разрушению подверженными». Бог лишен всяких качеств, как море.

«Подобно тому, как вода не имеет своей собственной формы, а принимает форму этого сосуда, в котором она содержится, точно так же и божественный свет принимает той или иной Сефиры, в которой она содержится».

Наконец, мы еще остановимся на одном из еврейских мыслителей, века, на Моисее Кордоверо (1522—1570).

Здесь мы читаем: «Все существующее находится исключительно в его сущности. Бог есть, как бы форма всех существ, ибо все они в Нем».

Дальше мы встречаем такие слова: «достаточно более углубиться, чтобы убедиться в том, что все мы исходим из него и включены в нем. Наша жизнь — его протяжение, и все то, чем питаемся — животный и растительный мир, — это все не может быть вне его. Получается, что все это похоже на колесо, которое катится без конца... Он все, все в нем, нет ничего вне его... Хотя единичные вещи весьма удаляются от него, но фактически все лишь в нем содержатся и в нем сохраняются... Но обо всем этом нельзя публично говорить. Более того. Даже сердце не поведает об этом устам».

На этом, пожалуй, и покончим с богом.

Следующей характерной чертой учения Спинозы является его спокойный объективный взгляд на жизнь, отсутствие пессимизма. Такое настроение мы находим и в иудаизме.

Ведь весьма характерным является то обстоятельство, что в Пятикнижии добро отождествляется с жизнью, а зло со смертью. И часто там повторяется: «выбери же жизнь».

В притчах Соломона мы читаем: «не заботься о завтрашнем дне, ибо неизвестно, что он с собой принесет».

В Талмуде мы встречаем много указаний против пессимизма и аскетизма:

«Кто отказывается от удовольствий, тот грешник».

«Человеку предстоит дать отчет (на том свете) за все то, что видел глазами и не пользовался».

Имеются в Талмуде даже такие места, где сквозит оптимизм.

«Все творимое Богом - к добру».

«Сын мой, если есть у тебя, не отказывай себе, ибо нет в гробу наслаждения и нет у смерти отсрочки».

Не менее суровое отношение к смерти мы встречаем у многих еврейских мыслителей средневековья.

Саадья Гаон (892-942) говорит: «воздержание – прекрасная черта, если им пользуются в меру, но становится злом при преувеличении».

Маймонид говорит: «неправильно и даже скверно будет, если человек совершенно откажется от того, чтобы кушать мясо, пить вино, жениться, жить в хорошей квартире и хорошо одеваться, ибо этот путь полон греха».

При этом мы должны указать, что для Маймонида хорошим делом, добром считалось все то, что помогает усовершенствованию личности; злом же грехом – все то, что такому усовершенствованию мешает.

Каббала, наоборот, склонна к аскетизму. Известен афоризм Зогара: «В крепком теле - слабая душа, в слабом теле - здоровая душа». Не менее известны наклонности каббалистов к постам и самоистязаниям.

Не даром, видно, Спиноза так часто непочтительно отзывается о Каббале. Но такое течение есть, безусловно, уклонение от иудаизма.

Ибо лейтмотивом иудаизма есть борьба против аскетизма и грусти.

Следующими основными элементами учения Спинозы является любовь к людям и любовь к богу.

И этими мотивами проникнут иудаизм. Ведь основным положением иудаизма, как известно, является: «возлюби ближнего, как самого себя», что распространяется и на не евреев, что ясно видно из текста. Там же мы читаем: «не оставайся спокойным при виде крови ближнего твоего».

Пророк Гошеа восклицает: «дружелюбия я требую, а не жертвоприношений». В Талмуде мы читаем: «человеконенавистничество ведет к смерти». Абрабеньел (1460–1530) в своих «диалогах» говорит, что «любовь есть животворящее начало и в космосе и в человечестве. Любовью просветляется душа до способности созерцать бога».

Что касается элемента любви к богу, то он также издавна имеет место в иудаизме. Еврей несколько раз в день повторяет слова из Пятикнижия: «возлюби бога всем сердцем, всей душой и всей силой твоей». У Филона мы встречаем мысль, что любовь не только является основой философского познания, но и высшей добродетелью.

Этих мотивов много в еврейской религиозной философии средневековья. Весьма ярко они выражены в сочинениях Маймонида и Ибн Эзры. Но не только у них. Очень

сильно этот мотив выражен также у Ибн Гебироля, который был не меньше поэтом, чем философом. У него мы читаем:

«Мое сердце тоскует по тебе, господи. Я не могу скрывать моей любви к тебе и должен выразить ее словами».

У Крескаса мы читаем: «любовь бога, в котором заключается его блаженство, является самым существенным, самой внутренней сущностью его».

Неоднократно он подчеркивает, что настоящая цель жизни человека — искренняя любовь к богу.

В очень распространенной среди евреев книге в XII веке «» мы читаем: «пусть все служат богу не ради блаженства в раю, а из чистой любви к нему». (И этот мотив мы еще встречаем в Талмуде.)

Интересно, что когда автор этой книги, Иуда Благочестивый, рассуждает о высшем счастье человека, о слиянии его с божеством, автор так увлекается, что сравнивает это состояние «с половой страстью молодого человека».

Каббале этот мотив также не чужд. Она учит, что главной основой нравственности является любовь к богу, которая определяет высшие и низшие ступени всего сущего и возвышает все, на ту ступень, где все должно быть едино.

Можно с уверенностью, сказать, что красной нитью во всей еврейской религиозной философской литературе является «любовь к богу».

Я теперь еще хотел бы остановиться на нескольких, так сказать общеизвестных изречениях и ходячих сентенциях из Талмуда и Каббалы, которые, наверное, в школе Мартейра были также распространены, и Спиноза невольно впитывал их в себя.

Я приведу некоторые из них без всякой системы, на память:

- 1) «Кого можно назвать героем? — того, кто владеет своими страстями».
- 2) «Никто не ударит себе палец здесь на земле, если это не было постановлено на небе».
- 3) «Количественное значение букв слова «бог» и слова «природа» одинаково», почему между богом и природой можно провести знак равенства.
- 4) «Если тебе что-нибудь так ясно, как утро, то скажи это, если же нет, так лучше не скажи».
- 5) «Только то можешь провозгласить, как истинное познание, если оно известно тебе точно так, как то, что нельзя тебе жениться на твоей сестре».
- 6) «Кто подвергается аффектам гнева, тот идолопоклонник».
- 7) «Вознаграждение за доброе дело, это само доброе дело»; «Наказание за грех — сам грех».

Я думаю, что этих цитат хватит.

Считаю, однако, необходимым повторить теперь то, что я уже сказал в самом начале. А именно. Было бы глубоко ошибочно, если бы на основании приведенного мною материала кто-нибудь хотел бы заключить, что Спиноза заимствовал свое учение у того или другого еврейского мыслителя. Нет. Учение Спинозы в целом в иудаизме никакого предшественника не имеет. Все приведенные выше мысли стояли там и сям разбросанными, одинокими, голыми.

Моя цель — показать, что в иудаизме там и здесь были налицо самые разнообразные мысли, самые различные мотивы, которые сами по себе еще ничего целого не составляют, точно так, как куча камней еще не дом. Но это могло служить хорошим материалом в руках искусного архитектора.

Говорить же здесь о прямом влиянии, о продолжении какой-нибудь системы в иудаизме — было бы более, чем нелепо.

В самом деле. У Спинозы ведь не менее точек расхождения с предшествующими еврейскими мыслителями, чем точек соприкосновения.

Укажем хотя бы на то, что Маймонид — самый ярый приверженец телеологии; что Крескас проводит знак отличия между богом, как нечто духовным, и видимым миром, как материальным, что у него ясно выражен примат религии над философией, и, наконец, на то, что в таких основных вопросах как: творение мира, отношение между телом и душой, происхождение добра и зла, — во всем этом Спинозизм и Кабалла далеки друг от друга, как небо от земли.

Я здесь только хотел показать, что был целый ряд понятий и идей, которые глубоко вкоренились в еврейской религиозно-философской мысли, и их влияние было, наверно, велико на всякого критически мыслящего еврея XVII века.

Величие Спинозы состоит в следующем: в то время как все предшественники Спинозы были рабами традиций, вели соглашательскую политику, чтобы примирить философию с религией, Спиноза, великий революционер мысли, окончательно порвал цепи традиций, разрушал все кумиры, и этим самым вышел на широкую дорогу.

Если вспомним, что такими соглашателями были тогда не только философствующие раввины, но такие величины, как Декарт и Лейбниц, то величие Спинозы еще больше воссияет. Перейдем, однако, к делу. Я должен здесь указать, что большинство материалов, приведенных мною выше, принадлежит к сочинениям нелегальным или полулегальным в традиционной еврейской среде. Их авторы были самыми радикальными мыслителями в иудаизме. Они и служили мостом между иудаизмом и учением мирового характера — спинозизмом.

Что в самом иудаизме было достаточно материала, достаточно оттенков мысли, были достаточно выдвинутые проблемы, чтобы могла создаться система Спинозы, я хочу отчасти доказать следующим путем.

Я возьму одно течение еврейской мысли, которое появилось среди евреев у нас на Украине и в Польше в начале XVIII века, и которое, без сомнения, не черпало ни откуда, кроме еврейских источников. И покажу здесь, что это течение в очень многом напоминает нам спинозизм.

Я хочу говорить здесь о хасидизме. Я ограничусь указанием самых распространенных взглядов хасидизма и некоторых изречений основателя этого течения — Бешта.

1) «Подобно тому, как складка в платье сделана из самого платья и в нем остается, так и мир — из бога и в боге».

2) «Бог во всем: в минералах, растениях, животных и человеке, в добре и зле. Ибо нет абсолютного добра и абсолютного зла. В известных случаях добро превращается в зло и наоборот».

3) «Бог не только первопричина всего существующего, но также его внутренняя сущность».

4) «Человек должен стремиться, познать самого себя, как проявление божества».

5) «Грусть — от сатаны. Святость же лишь там, где сила и радость».

6) «Грусть — не хорошая черта. Человек должен всегда быть в радостном настроении».

7) «Цель человеческой жизни — слияние с божеством».

Я думаю, что этот перечень положений хасидизма многим из вас напомнил кое-что из «Этики» Спинозы.

По всему видно, что в XVII веке традиционный иудаизм дал трещину, и еврейская мысль искала для себя новые пути. В начале XVIII века это выразилось в хасидизме, во время Спинозы имело место крупное движение Сабатай Цви (1626-1676).

Еще в конце XVI века мы встречаем целый ряд еврейских реформаторов, которые под влиянием общей свежей струи, которая имела место в Европе, хотят обновить также иудаизм, очистить его от разных традиций. Среди них более известны в

еврейской литературе: Иосиф Демелдиго, Иуда Демодина и Уриэль Акоста. (Последний был, пожалуй, более бунтарь, чем теоретик.)

В сочинении Демодина, которое было написано в 1624 году, мы встречаем следующие места: «Есть такие, которые утверждают, что бог и мир одно и то же, что душа не живет вечно, что нет никакого страшного суда и нет загробной жизни». Дальше там говорится о том, что, мол, по мнению некоторых, все еврейские обряды — выдумки раввинов.

Нужно, однако, указать, что влияние этих реформаторов было не велико. Они выражались очень туманно, противоречиво, их доводы были слабы, была заметна большая путанность и нерешимость в головах самих авторов.

Но, что они могли будить мысли Спинозы в известном направлении, это весьма вероятно. Их книги были весьма распространены в Амстердаме.

Интересно отметить, что сочинения этих авторов, благодаря своей двусмысленности и эзоповскому языку, никаким гонениям не подвергались. Фактически же они уже начали подкапывать традиционный иудаизм. Но все это было лишь началом того конца, того великого удара, который Спиноза нанес традиционному, аристократическому, и официальному иудаизму. В самом деле. Ведь Спиноза лишил бога его трона и указал, что бог везде, т.е., что личного бога нигде нет, что все разговоры о личном боге и его воле ведут в «*asylum ignorantiae*».

Отрицая высшее совершенство в чем-нибудь единичном, доказывая математически отсутствие бога, стоящего вне мира и над ним, Спиноза вырвал тот фундамент, на котором держится как официальный иудаизм, так и всякая религия вообще.

Современники Спинозы это прекрасно поняли, и свои преследования Спиноза честно заслужил.

На этом, товарищи, я и мог бы закончить свое сообщение.

На вопрос же: что дал Декарт Спинозе — я скажу, что если Декарт приучил Спинозу к мысли, что для истинного познания необходимо выводить все исключительно из таких принципов, которые ясны и достоверны сами по себе; что следует утверждать только то, что вполне ясно и отчетливо, и, наконец, что никакая традиция, никакой авторитет не должны быть на пути исследования — если, я говорю, это одно получил Спиноза у Декарта, то уже достаточно, чтобы оправдать известные слова из предисловия к посмертным трудам Спинозы (см. К. Фишер. «Спиноза», стр. 121 и 273-279), что Спиноза «нашел себе могущественную поддержку в трудах возвышенного Рене Декарта». Да, именно, поддержку. Ибо Спиноза смотрел на Декарта, как на современника, с мнением которого следует считаться, метод которого следует усвоить.

В этом смысле Декарт, без сомнения, влиял на Спинозу. (Не без влияния оказались, наверное, также знакомства Спинозы с врачом Францем фон дер Энде и его остальными христианскими друзьями. Но войти в рассмотрение этого вопроса мы здесь не можем.)

Я думаю закончить на следующем:

«Этика» Спинозы по содержанию — самое идеальное, самое отшлифованное, что имеется в иудаизме, но изложенное методом Декарта.

Это далеко не значит, что до него кто-нибудь из еврейских мыслителей имел ясное и полное представление о проблемах, имеющих место в «Этике». Отнюдь нет. Спиноза здесь вполне оригинален и глубже, чем кто бы то ни было до него.

Но причину того, почему именно Спиноза строил свою систему так, а не иначе, следует искать в том, что он впитывал в себя иудаизм в самые лучшие годы своей жизни.

За спиной Спинозы лежало богатое прошлое. Нужно и можно было это использовать. Но для Спинозы использовать все богатое наследство прошлого означало сделать отбор в старом хламе между тем материалом, который соответствует духу нового времени и тем наростом, против которого надо бороться. Иначе выражаясь, нужно было безжалостно отказаться от многих старых истин, не пугаться новых и выбросить из головы все, что не соответствует «естественному свету». Имеющимся же плодотворным истинам нужно было дать развиваться.

Чтобы сделать такой отбор, нужна определенная мерка. Эту мерку Спиноза после долгих исканий и размышлений нашел сам, а «поддержку» в этом нашел в Декарте.

Можно ли после всего этого считать Спинозу специфически еврейским философом? Никак нет.

Еврейская философия в основе своей идеалистична, в системе же Спинозы преобладает материализм.

Основные пункты здесь различны. В то время, как этика у предшествующих еврейских мыслителей есть этика долга, у Спинозы же грандиозно развертывается натуралистическая этика, которая завершается у него элементами стоицизма.

Дальше. В то время, как одним из китов иудаизма есть свобода воли, у Спинозы гвоздем учения является последовательный, выдержанный детерминизм.

И, наконец, согласно иудаизму человек является венцом творения, конечной целью всего бытия, и история человечества объясняется исключительно телеологически. Спинозизм же с такой концепцией ничего общего не имеет. (Здесь перед нами духовная связь иудаизма с другим философом, не евреем, с Лейбницем).

Вот почему мы никак не можем согласиться с теми, кто хочет видеть в Спинозе специфически еврейского философа.

Спиноза принадлежит не определенной нации, а всему человечеству.

9/ХП/1922 года.